

5. От Фомы Лквинского до Эгидия Римского

Фомы, является сочинением Эрве, то эта логика находится за пределами логики св. Фомы и почти совпадает с логикой Ламберта Оксеррского.

Как бы ни обстояло дело с этим вопросом, Эрве расходился с чистым томизмом по крайней мере по трем важным пунктам. Настойчиво отделяя субъективное бытие акта понимания (*intellection*) от объективного бытия (*esse objectivum*) познанной вещи, он полагал реальное основание универсалий в *conformitas realis** индивидов, входящих в каждую универсалию, и даже приписывал этому подобию некое числовое значение. Такого рода утверждения, свидетельствующие о том, что это учение зародилось после расцвета томизма, увлекают автора на иные пути. Доктрина объективного бытия интеллекций близка учению Дюрана из Сен-Пур-сена, концепция *conformitas realis* заимствована у Гильберта Порретанского, а утверждение относительно численного представления единства вида более приличествует Дунсу Скоту, чем Фоме Аквинскому. Верно, что Эрве решительно отрицал, будто универсалии суть реальные сущности, и утверждал, что их единство, с его точки зрения, находится только в разуме, но все-таки подобие, на котором, согласно его взглядам, основывается универсалия, существует для него, как кажется, в самих вещах и только таким образом реализуется. Второе его расхождение с томизмом касается проблемы индивидуации. Эрве не удовлетворялся ни *haecceitas*** Скота, ни индивидуацией через количественную материю св. Фомы. Действующая причина множественности видов и индивидов — это внешняя причина. Внутри каждого индивида причина его отличия от других — это его собственная сущность, а акциденции каждого индивида происходят от самого индивида, к которому они относятся. Третье расхождение касается реального различения сущности и существования, на котором настаивал св. Фома и которое Эрве отрицал, в частности, в своем трактате «О сущем и сущности» («*De ente et essentia*»). Правда, его

доктрина исследована еще недостаточно, и поучения, с которыми он выступает по данной проблеме, иногда противоречат друг другу. Во всяком случае, его томизм не кажется строгим.

В 1880 г. Бартеlemi Орео представил Эгидия Орлеанского как «ученика св. Фомы» и доказал его право на это звание цитатами из «Вопросов» Эгидия к трактату «О возникновении и уничтожении» («*De generatione et corruptione*»), в котором важное место принадлежит Аверроэсу. В 1931 г., опираясь на неизданный Комментарий к «Никомаховой этике», составленный Эгидием, М. Грабман охарактеризовал его как человека, любящего всевозможные уловки типа «двойственной истины», столь дорогие аверроистам. Таким образом, вопрос о том, должно ли познание входить в круг интересующих томистов проблем, остается открытым, пока не будет получено достаточно информации. В других случаях имеются более наглядные основания считать того или иного ученого томистом, например оксфордского теолога Николая Тривета (ум. после 1330). Если он действительно является автором сочинения «Исправление извратителя Фомы» («*Correctorium corruptorii Thomae*»), то он может открыто стать в их ряды. Он один из тех, кто испытал влияние св. Фомы, но поначалу это привело к умонастроению, совершенно не адекватному томизму. Будучи историком, Тривет написал «Анналы шести королей Англии, происходящих от графов Анжуйских (1135—1307)»; как словесник он комментировал декламационные трагедии Сенеки; как последователь отцов Церкви, прокомментировал несколько книг «О граде Божиим» св. Августина и трактат «Об утешении философией» Боэция. Последний комментарий, ставший источником для Чо-